

Новая Польша 5/2001

0: ШКАФ

Поселившись здесь, мы купили Шкаф. Темный, старый, он стоил меньше, чем его перевозка из комиссионки до дома. Две дверцы украшены растительным орнаментом, третья — застекленная, и в стекле отражался весь город, когда мы везли его домой на грузовом такси. Эту дверцу пришлось привязать веревкой, чтобы по пути не открылась. И тут, стоя возле Шкафа с запутанной веревкой, я впервые ощутила собственную несуразность. — Он подойдет к нашей мебели, — сказал Р. и ласково погладил его деревянное тело, точь-в-точь как корову, купленную в новое хозяйство.

Сперва мы поставили Шкаф в коридоре — как бы на карантин перед вселением в мир нашей спальни. Я впрыскивала в едва заметные отверстия скипидар, эту надежную вакцину против разрушения временем. Ночью Шкаф, пересаженный на новое место, стонал скрипом. Причитали умирающие жучки-короеды,

Потом мы обустроивали нашу новую старую квартиру. В щели на полу я обнаружила застрявшую вилку с выгравированной на ручке свастикой. Из-за деревянной панели торчали остатки истлевшей газеты, прочесть на ней можно было одно только слово: «пролетарии». Р. отворял настежь окна, чтобы повесить занавески, и тогда в комнату врвался шум горняцких оркестров — под вечер они шествовали по городу. В ту первую ночь, когда Шкаф стал участником наших снов, нам не спалось. Рука Р. без сна блуждала по моему животу. А потом нам приснился один и тот же сон, и с тех пор постоянно снятся общие сны. Снилось нам абсолютная тишина, и что все в ней застыло, словно в витрине магазина, и что мы были в той тишине счастливы, потому что повсюду отсутствовали. Утром нам не пришлось даже делиться этим сном — все было понятно с полуслова. С той поры мы не рассказываем друг другу снов.

В один из дней оказалось, что нам больше нечего делать в квартире. Все стояло на своих местах, вычищенное, уложенное. Я грела спину у печки и разглядывала салфетки. В их нитяном узоры однако же не все было в порядке. Кто-то крючком сделал дыры в непрерывности материи. Сквозь эти дыры я взглянула на Шкаф, и мне вспомнился тот сон. Тишина в нем проистекала от Шкафа. Мы стояли с ним друг против друга, и это я была чем-то хрупким, подвижным, преходящим. Он же просто олицетворял сам себя. Представлял в совершенстве то, чем был. Я коснулась пальцами потертой ручки, и Шкаф отворился предо мною. Я увидела тени своих платьев и два поношенных костюма Р. — все это было одного цвета в темноте. В Шкафу мое женское естество ничем не отличалось от мужского естества Романа. Не имело значения и что там — гладкое или шершавое, овальное или угловатое, далекое или близкое, чужое или родное. Оттуда пахло иными местами, иным временем, которое было чужим мне и все-таки, о Боже, что-то напоминало, что-то настолько знакомое и близкое, что словами не выразишь. Моя фигура попала в орбиту зеркала на внутренней стороне дверцы. И отразилась в нем как некий темный предмет, мало чем отличающийся от платья, что висело на вешалке. Не было разницы между живым и мертвым. Вот как я выглядела в единственном зеркальном глазу Шкафа. Теперь оставалось только занести туда ногу и войти вовнутрь. Так я и сделала. Уселась на полиэтиленовые пакеты с шерстяной пряжей и услышала свое собственное дыхание, усиленное в замкнутом пространстве.

Когда ум остается с собою один на один, начинаешь молиться. Такова уж природа разума. «Ангел Божий, хранитель мой» — я увидела своего ангела с лицом столь прекрасным, что, должно быть, неживым, «не оставь меня...» — его вожденные крылья любовно обьяли пространство вокруг. «Ни утром» — запах кофе и яркий, ранящий заспанный взор, свет в окнах, «ни вечером» — замедленное время при заходе солнца, «ни днем» — существование уподобляется житейской практике: шум, движение, миллион бессмысленных действий, «ни ночью» — бесчувственное, ставшее во тьме одиноким тело, «будь всегда мне в помощь» — ангел оберегает идущих по краю пропасти детей. «Сохрани, защити душу мою и тело мое» — картонные коробки с надписью ОСТОРОЖНО, БЬЕТСЯ, «и введи меня в жизнь вечную, аминь» — платья, висящие в полумраке Шкафа.

С той поры Шкаф ежедневно втягивал меня в себя, был огромной воронкой в нашей спальне. Сперва я просиживала в нем предвечерние часы, когда Р. не было дома. А позже делала с утра только самое необходимое: покупки, подготовку к стирке, какой-нибудь телефонный звонок — и входила в Шкаф, тихо затворив за собою дверь. Там, внутри, не имело значения, какое нынче время дня, какое время года, какой год. Там всегда было бархатисто. Кормилась я собственным дыханием.

Как-то ночью я пробудилась ото сна, тяжелого как душный воздух, и возжелала Шкаф как мужчину. Пришлось сплести руки и ноги с телом Р., пришлось судорожно держаться за него, чтобы суметь остаться. Р. что-то говорил сквозь сон, но его слова не имели смысла. И вот, однажды ночью, я разбудила его. Он не хотел покидать теплую постель. Я потянула его за собой, и мы встали перед Шкафом. Неизменным, всемогущим, соблазнительным. Я коснулась пальцами скользкой ручки, и Шкаф отворился перед нами. В нем хватило бы места для целого мира. Зеркало внутри отражало нас обоих, выпутывая из темноты наши формы. Наше дыхание, сперва неровное и прерывистое, обрело единый ритм, и не было между нами никакой разницы. Мы уселись в Шкафу напротив друг друга. Лица нам заслонила висящая одежда. Шкаф затворил за нами дверь. Так мы поселились в нем.

Сперва Р. выходил наружу — какие-то покупки, какая-то работа, что-то в этом роде. Но потом эти усилия стали слишком мучительными. Дни сделались длиннее. С улицы порой слышится приглушенная музыка горняцких оркестров. Солнце исчезает и возвращается, и тогда окна безуспешно пытаются втянуть его вовнутрь. Мебель, салфетки и фарфор покрывает все более толстый слой пыли, а наше жилище постоянно погружено в мрак.

Перевод Стеллы Тонконоговой